

Игумен Георгий (Данилов)
СПАСО-ВИФАНСКАЯ СЕМИНАРИЯ:
К 200-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Введение

«В младенческой чистоте и непосредственности восприняли русские люди истину христианской веры, не искаженную ересями и лжеучениями. И по мере усвоения этой истины возрастала и крепла великая нация, избрав водительницей совести Церковь, устроительницу жизни земной и вечной»¹. На протяжении десяти веков свет Христовой веры очищал души и сердца народа от скверны и порока, освящал и устремлял к единственной цели человеческой жизни – соединению с Богом. Но так ли было всегда? Всегда ли мир стремился к этой заветной цели? В последние времена мир устремился к светскому, неодухотворенному просвещению, в достижении которого видит решение всех своих проблем. «Внешнее благоустройство жизни, материальное могущество и преуспеяние, успехи техники и промышленности, научное образование, литература, искусство, печать – вот те средства и способы, которыми, по мнению мудрости века сего, только и может быть достигнута действительная польза человечества, обеспечивается общественное и личное благоденствие и счастье, так что все успехи современной культуры обязаны развитию именно этого рода просвещения. Не трудно, однако, понять, как жалки и обманчивы эти притязания современной образованности достигнуть процветания и высшего блага и пользы человечества одними лишь собственными средствами. «Кая бо польза человеку, аще и

мир весь приобретает, душу же свою отщедит» (Мф. 16, 26), – учит нас Евангелие, убедительно свидетельствуя, насколько бессильны успехи внешнего просвещения и одна только внешняя мирская культура воссоздать и преобразить нашу жизнь, удовлетворить высшим запросам человеческого духа и совести»². Такая деятельность, не освященная христианским благочестием, пагубна и порочна. Именно благочестие, о котором говорит нам ап. Павел: «телесное бо обучение в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть, обетование имеющее живота нынешняго и грядущаго» (1 Тим. 4. 8) есть необходимое и существенное условие внутреннего и внешнего благоустройства жизни народа. Оно одушевляет, направляет и оплодотворяет благодатью Духа Святого всякое внешнее светское образование и всякую мирскую деятельность, не противные христианской вере и той главной цели человека, о которой было выше сказано. Именно «воспитанию в человеке этого-то на все полезного благочестия и посвящено духовное образование, и мы видим теперь, сколь высоки и ценны его стремления и задачи, и насколько они превосходят идеалы современной внешней образованности»³. Поэтому такие понятия как «просвещение, образование» в школе духовной, как училище благочестия, приобретают особенный возвышенный смысл и характер». Просвещение здесь не совпадает просто с научным образованием, с внешним развитием ума или приобретением познаний, но означает нечто большее – нравственное перерождение человека, озарение его благодатью, очищение и освящение всей его душевной жизни. Образование духовное имеет своей целью «представить всякого человека совершенным о Христе Иисусе» (Кол. 1. 28), ... оно стремится воссоздать в человеке образ и подобие Божие во всей его высоте и чистоте, какие отличали человека до падения, нравственно преобразовать духовную жизнь и личность человека «по Образу Создавшего его» (Кол. 3. 10), всецело просветить дух его правдою и преподобием истины... Таковы именно сущность и цель духовного просвещения, как искания правды

Царствия Божия (Мф. 6. 33) и воспитания благочестия»⁴. Именно к этому была призвана духовная школа, и это назначение свое она выполняла и выполняет до сих пор на протяжении почти трех столетий. Сколько прекрасных людей нашего Отечества воспитала она! Многие известные ученые, архипастыри, замечательные проповедники, монахи, подвижники благочестия, прекрасные священники вышли именно из стен духовных школ. Все они посвятили свою короткую или долгую жизнь служению своему Отечеству, своему народу, воспитанию в нем истинного христианского благочестия, просвещению его основам веры и христианского образования. Одному из таких духовных рассадников просвещения, церковности и благочестия будет посвящен этот доклад, а именно — Спасо-Вифанской Семинарии, двухсотлетие которой мы празднуем в этом году.

1. Учреждение Вифанской Семинарии

Учреждение Спасо-Вифанской семинарии состоялось после посещения в апреле 1797 года Императором Павлом I основанной Московским митрополитом Платоном (Левшиным) Вифанской пустыни. «В 1797 г. Император Павел после коронавания вместе с императрицей и со всей фамилией 23 апреля посетил Троицкую Лавру и изъявил желание посетить на другой день и Вифанию и там обедать. Не сделав предварительных приготовлений к приему высокого гостя, Платон, митрополит Московский, представил Императору, что «в Вифании покои малы, и приготовления никакого для стола не сделано». Но Государь сказал на это, что «хотя в уголку, но там будет обедать».

Отслушав молебен и литургию в Троицком соборе, Государь поехал в Вифанию и встречен был в воротах митрополитом.

Рассказ об этом примечательном посещении Вифании Императором Павлом I передадим словами самого митрополита Платона: «Государь был в большой церкви и изволил хвалить, потом в домовой, которая ему еще боль-

ше понравилась, и хотел у себя такую сделать. Потом и покои изволил похвалить и говорил: «Вот как тесны у тебя покои. На что более?» (...)

Потом пошли к столу... Государь был весел и весь стол проговорил с митрополитом, а между тем семинаристы троицкие разные читали разговоры из географии, из истории, из философии и прочего, что Государю весьма было угодно, и семинаристов целовал. (...) После стола скоро изволил отправиться в Лавру, и оттуда в Москву».

(...) Через пять дней (29 апреля) статс-секретарь Троицкий неожиданно объявил в Москве митрополиту волю Государя возвести Вифанию на степень второклассного монастыря и учредить при нем духовную семинарию⁵. 1 (13) мая 1797 года последовал Высочайший Указ за № 17949 об учреждении Спасо-Вифанской Духовной Семинарии при второклассном Вифанском монастыре. В указе, в частности, говорилось:

«4) Для вящего распространения преподаваемого в Семинарии Троицкой Лавры учения, которого полезные успехи Мы Сами видели, учредить в Вифании таковую же Семинарию в числе ста человек учеников, на содержание коих пищею, одеждою и прочим, також на жалование учителям, на потребных к тому учителей, на книги, дрова, свечи и прочее производить ежегодно по 4000 рублей.

5) На построение училища и покоя для жития учеников и учителей отпустить 30000 рублей в три года по равным частям, начиная с нынешнего»⁶.

Таким образом, «Вифанская семинария своим бытием обязана самодержавной воле Государя Павла Петровича, явилась царским даром, государевым учреждением. Царственный ученик отблагодарил своего законоучителя тем, что пустынное его уединение возвысил учреждением при нем нового рассадника духовного образования, и через этот новый рассадник распространился свет того духовного учения, который изливался из школ, находившихся под мудрым и опытным руководством знаменитого иерарха. Митрополит Платон, приведший в цветущее сос-

тояние семинарию в обители преподобного Сергия, не думал и не желал основывать новой семинарии вблизи обители преподобного Сергия и в том месте, где он приготовил себе успокоение (...), но, усмотрев в воле Государа «таинственное внушение свыше», с замечательной в его годах энергией принялся за осуществление Высочайшей воли»⁷.

II. Семинария при митрополите Платоне (Левшине)

«К 1800 году на красивом берегу Вифанского пруда воздвигнут был замечательной архитектуры семинарский корпус (...) Корпус был выстроен прочно и экономно, но оригинально и изящно и более оригинально, чем удобно для жительства»⁸. Он был построен «покоем», символизируя, по мнению некоторых историков, начальную букву имен Императора Павла и самого Платона. В историческом описании Троице-Сергиевой Лавры за 1810 год о семинарском корпусе сообщается следующее: «На правой стороне (с проезда к Вифанскому монастырю от Троицы) – семинария. Она выстроена на 60 саженьях квадратом, в два этажа каменные, на подобие монастыря с четырьмя башнями. Стоит она на высоком и крутом берегу пруда. При входе в оную представляется вид ее довольно величественным и красивым. Внутри, кругом всего строения, крытые переходы на столпах. С двух сторон сделан всход в верхний этаж, на балкон, а с онаго в аудиторию, которая довольно светла и изрядно лепными духовными статуями убрана. В ней сделаны хоры на столпах выкрашенных. Из аудитории ход на балкон, к Московской дороге и к Лавре, на пруд. Вид с онаго восхитительный. Внизу под аудиторией устроена и изрядно расположена библиотека, в которой до двух тысяч книг. По обеим сторонам аудитории покои учительские. Четыре башни в верхнем этаже служат для классов, а прочие покои все или жилые для семинаристов, или службы их»⁹.

На углах П-образного корпуса, как было отмечено в описании, возвышались 4 восьмигранные башни, увен-

чаные шпилями. Центральная часть корпуса выделена ризалитом со стороны внутреннего двора и полуротондой — со стороны внешнего фасада и пруда. В целом же объемно-пространственная композиция и система наружного декора, придающие зданию вид замка, позволяют в настоящее время отнести старый семинарский корпус к ценным памятникам романтического направления в архитектуре русского классицизма.

6 августа 1800 года, в день Преображения Господня, в храмовый праздник Спасо-Вифанского монастыря, митрополит Платон торжественно совершил открытие в нем Спасо-Вифанской семинарии.

«Из Троицкой Лаврской Семинарии в Вифанскую переведено 70 учеников четырех классов: поэзии, высшего грамматического класса, низшего грамматического класса и информатории. Превосходно в Вифанской семинарии было три класса: класс риторики и поэзии, высший грамматический и низший грамматический классы. В 1802 г. открыт класс философский, в 1804 г. — богословский, и в этом году образовался полный комплект воспитанников — 100 человек (...) Небольшая, состоявшая из пяти начальников и наставников и ста учеников, семинарская семья, поселившаяся в Вифанском уединении, в митрополите Платоне нашла заботливого и бережливого хозяина и любящего, попечительного отца. Многочисленные хозяйственные инструкции и резолюции Платона, например, о семинарской трапезе, о найме поваров и служителей, инструкции о ведении хозяйственной части в семинарии изображают его как замечательно-го домохозяина, любившего входить во все подробности и даже мелочи семинарского хозяйства и старавшегося о том, чтобы все было хорошо и недорого»¹⁰.

Вот, например, извлечение из начертанного самим митрополитом Платоном «Наставления о трапезе семинарской»: «Хлеба давать семинаристам за обед и ужин сколько съесть могут. Кушанье семинаристам иметь щид да кашу: в мясные дни будничные с мясом, полагая на всех на день по пуду, а в воскресные дни — полтора пуда, а в

дванадцатые — по два пуда; иногда свежее мясо, иногда солонину, смотря по времени. А в постные дни давать щи со снятками, а в воскресные и праздничные дни — с рыбой соленой, полагая по 30 фунтов на всех в день, выключая весь Великий Пост; а кашу с маслом коровьим и постным, смотря по дням, а сколько масла употреблять, в том поступать против Троицких семинаристов. В праздничные и торжественные дни готовить пшеничные пироги с капустой, или с морковью, или с крупой, или с грибами, смотря по времени. Надлежит пищу переменять: например, вместо щей — кашницу, или бураки, или картофель, или горох, или грибы; также и вместо каши — молоко, или сметану, или кашу молочную, или лапшу, а вместо пирогов — или блины, или ватрушки, или другое что-нибудь, — только смотреть, чтобы сия перемена не превышала ценой щей с мясом и рыбой и кашу с маслом. Квас пить сколько пожелают. Смотреть, чтобы при трапезе была чистота и опрятность»¹¹.

«Одежда учеников была удобная и приличная. Шляпа, куртка, штаны летние и зимние, малые затрапезные халаты, жилетка, кафтан, фуфайка, валеные сапоги и тулуп на зимнее время — вот принадлежности одеяния Платоновского семинариста»¹².

«В обычное время школьники ходили в халатах, а младшие — даже босиком, но в праздничные дни и в торжественных случаях они одевались в форменный наряд, подобный тому, в каком щеголяли школьники Феофана Прокоповича: носили казакин из голубого сукна, с обшлагами и воротником из сукна малинового»¹³.

«Что касается постановки самого образования, то в основу его был положен классицизм с обоими древними языками — латинским и греческим. Воспитанники не только переводили классические сочинения, но должны были в обыкновенном обиходе, особенно в классе, и говорить по-гречески или по-латыни.

Весь курс разделялся на три отделения: грамматикориторическое, философское и богословское, из которых в первом вырабатывался тип ритора, умеющего орудовать словом, во втором — тип философа, умеющего

орудовать логической мыслью и, наконец, в третьем — тип богослова, владеющего церковно-библейскими знаниями (...). С риторикой соединялась и поэзия (...). В философском же классе преподавалась и церковная история. Инструкция преподавания этого предмета внушала наставникам испытывать учеников не только в знании исторических фактов, но и в том: «все ли они одобряют, нет ли у них каких-либо сомнений, или не делают ли они на что-либо разумной критики. В таком случае: сомнения — объяснять, разумную критику — похвалить, неразумную же — поправлять». Также широко и свободно поставлено было и преподавание богословия в школе Платона. «Разные богословские системы, — писал он, — преподаваемые ныне в школах, нахожу и лишними, и бесполезными, ибо пахнут оне школою и мудрованием человеческим. А богословие Христово, по Павлову учению, состоит не в препретельных словах и не в мудрости человеческой, но в явлении духа и силы». В основу богословского образования им положено последовательное изучение Ветхого и Нового Завета, состоящее в неоднократном внимательном прочтении всей Библии с кратким, а затем и более глубоким толкованиями; к этому присоединялось и изучение отцов церкви и их творений.

И чем более вникаешь во внутренний строй и уклад школы Платона, тем более поражаешься шириной его ума и педагогического такта. Научное классическое образование он стремился восполнить религиозно-эстетическим. Декламация, партесное пение, музыка, драматические постановки в его школе находили широкое применение, разнообразили, одухотворяли и облагораживали учебную жизнь воспитанников (...).

Но более всего облагораживал школу лично сам Платон своим сердечным соучастием в ее жизни. Он держал себя по отношению к своим воспитанникам, как истинный отец среди любимых детей. Не говоря уже о том, что он ежедневно посещал классы, руководил преподаванием, он всюду и всегда: и у себя в хорамах, и у своих ворот, и в лесной чаще, во время прогулок, где он встрепчался с уче-

никами, заводил с ними беседу, запросто, по-отечески, пробуждая в них любознательность, разрешал сомненья, наводил на широкое раздумье — о природе и человеке»¹⁴.

«Чтобы судить о нравственном состоянии воспитанников семинарии при Платоне, достаточно припомнить тот факт, что Платон в своей инструкции предусматривает лишь один проступок, как возможный со стороны учеников — несвоевременную явку в семинарию после каникул, и угрожает строгим наказанием за этот проступок, а именно — лишением казенного содержания за один просроченный день на неделю, за два — на две недели, за месяц — исключением из семинарии. Каких-либо других проступков, в особенности же грубых, Платон даже и не предполагал в своих питомцах, практика же, свидетельствуемая ученическими ведомостями времен Платона за все двенадцать лет, их не представляла: так высок был уровень нравственного состояния учеников Платоновских.

Словом, Платоновское время яркими и светлыми красками выделяется на страницах истории Вифанской семинарии. При Платоне было общежитие в полном значении этого слова»¹⁵.

«Радовался престарелый святитель, видя благие плоды, приносимые созданным им вертоградом духовной науки, и, скопив своим хозяйским сбережением значительные средства для него на будущее время, не тревожился за его участь. Но в последние годы жизни встревожен был Платон слухами о предстоящей реформе духовно-учебных заведений, и он весьма желал, чтобы этого не было»¹⁶. Но Промыслom Божиим митрополиту Платону не суждено было дожить до реформы: за год с небольшим до начала реформы он мирно представился.

Семинария между реформами 1814-1867 годов

В 1814 году последовала новая реформа духовно-учебных заведений по новым уставам, «и замечательные рассадники Платонова образования — Троицкая Лаврская и Вифанская семинарии были предназначены к закрытию. В зданиях Лаврской семинарии предположено было

открыть новую Московскую Академию, в Вифании вместо семинарии учредить уездное училище, а епархиальную семинарию поместить в Перервинском монастыре. Преемник Платона на святительской кафедре, его ученик и любимец преосвященный Августин, естественно, желал сохранить благоустроенную Вифанскую семинарию, потребность в которой особенно явилась, когда приходилось дать приют и образование многочисленным ученикам, учившимся в дореформенных духовно-учебных заведениях Московской епархии и новой реформой предназначенных к закрытию. Соглашаясь на помещение Академии в Лавре и на устройство епархиальной семинарии в Перервинском монастыре, преосвященный представил Комиссии Духовных Училищ, что по огромному количеству учеников, которые должны в Московской епархии получить семинарское образование, ни поместить, ни обучать всех в одной Перервинской семинарии невозможно. Поэтому он просил для Московской епархии, кроме Перервинской семинарии, устроить опять семинарию в Вифании. Комиссия согласилась с представлением преосвященного Августина и постановила открыть по новому уставу и Вифанскую семинарию. По указу Святейшего Синода от 21 сентября 1814 года было произведено испытание всем воспитанникам, учившимся в духовных школах Московской епархии, и после этого определенлся и состав преобразованной Вифанской семинарии.

Из бывших воспитанников Вифанской семинарии признаны способными обучаться в ней по новому уставу 63 человека; в Вифанскую семинарию переведены были 133 воспитанника закрытой Лаврской семинарии, 50 учеников бывшей Славяно-Греко-Латинской Академии и риторы закрытой Димитровской семинарии — около 20 человек. 5 ноября 1814 года последовало торжественное открытие Вифанской семинарии по новому уставу»¹⁷.

«Новый семинарский устав 1814 года был вызван внутренним политическим положением России. Это было время масонства, религиозного мистицизма и революционных идей, охвативших едва ли не все передовое мыслящее

общество. Понятно, что при таких условиях необходимо было создать такую духовную школу, которая возвышалась бы над жизнью и в состоянии была бороться с тогдашним мракобесием, которая внушала бы уважение к власти, приучала бы к повиновению и послушанию, к долгу и труду. В основу духовного образования тогда положены были системы богословские, на которые Платон смотрел, как на мудрования человеческие. Вся забота была направлена к логическим определениям и точным выражениям в православном вероучении. Даже проповедь стала ничем иным, как диалектическим развитием отвлеченных понятий. В силу такого направления духовная школа приняла чисто схоластический характер. Упражнение в словах и отвлеченных понятиях, усвоение не столько духа и содержания, сколько формул и разделительных членов, стали преобладать в школьном образовании. Вместе с формализмом мысли соединялся и формализм в укладе самого быта. Школа была строгой и суровой: убожество и скудость питания властвовали в ней»¹⁸.

«Новому семинарскому начальству на первых порах предстояла трудная задача устроить быт многочисленных учеников, которые переполнили семинарский корпус, поместились с немалой теснотой в монастырской богадельне, в домах штатных монастырских служителей и даже в крестьянских избах соседнего с семинарией села Глинкова. Ввиду переполнения семинарии воспитанниками, семинарское начальство охотно увольняло всех, желавших поступить в епархиальное ведомство»¹⁹.

Такое убожество и скудость во многом можно объяснить увеличением числа семинаристов (со 100 до 300 – 360 человек), которых пришлось разделить на казеннокоштных (штатных) и своёкоштных (пансионеров) по образцу других семинарий, чего до этого времени в Вифании не было.

«Содержание казенных было ясно определено штатами и достаточно обеспечено. На казну принимались сироты и те, которые делали взнос, соответствующий штатному назначению. Что касается пансионеров, то они

должны были за право пользования помещением, отоплением, освещением и столом делать ежегодно определенные взносы в семинарскую казну (...). Должно признать, что содержание пансионеров в Вифанской семинарии было необыкновенно дешево. Эта дешевизна была, без сомнения, между прочим, причиной того обстоятельства, что многие священнослужители Московской епархии, состоятельные и малосемейные, помещали своих детей предпочтительно в Вифанскую семинарию. Эта же причина, без сомнения, вызывала и громадный наплыв в эту семинарию учеников иноепархиальных. Этим последним видим в Вифанской семинарии еще в 1815 году»²⁰.

Расчеты по содержанию учеников в семинарии показывают, что действительные расходы на содержание учащихся из казны семинарии превышали взносы, которые ежегодно делали пансионеры в казну семинарии. Такие ежегодные дополнительные выплаты в семинарии были возможны за счет сумм, жертвовавшихся в разное время епархиальными владыками, некоторыми епархиальными монастырями и поступавших из Духовной Консistorии.

Последние поступления собирались от продажи венчиков и разрешительных молитв, и в разное время были неодинаковы.

Большой наплыв учеников вызвал перенаселение жилых помещений, рассчитанных только на 100 человек. «Прежнего помещения для семинаристов в одном Платоновском корпусе было уже недостаточно. В корпусе могли помещаться только казенные ученики, а из своекоштных — лишь немногие счастливцы. Остальные же воспитанники вынуждены были жить частью при Вифанском монастыре — «на конюшенном, неводном и богадельном дворе», частью же в двух, прилегавших к монастырю и семинарии с северной и юго-восточной стороны, слободах. Само собой понятно, что житью-бытью этих воспитанников не позавидуешь. По отзывам лиц, испытавших это счастье, и по прошениям, поступавшим в правление семинарии от учеников, живших вне ее стен, им «приходилось сносить и

холод, и голод. Жить в душных, сырых и тесных помещениях, освещать свое помещение простой лучиной, питаться как-нибудь и чем-нибудь, ходить в худых халатах и рваных сапогах»²¹.

«В таком неблагоустроенном виде Вифанская семинария оставалась до вступления на Московскую кафедру святителя Филарета (Дроздова).

Время святителя Филарета было временем обновления и благоустройства Вифанской семинарии. Давно начатое дело о постройке нового семинарского корпуса в первые годы святительства Филарета было приведено к окончанию. По ходатайству митрополита перед Святейшим Синодом 4 сентября 1826 года последовал Высочайший Указ, которым повелевалось на построение нового семинарского корпуса при Вифанской семинарии отпустить из капиталов Комиссии Духовных Училищ 137649 рублей. В том же 1826 году приступлено было к строительству нового корпуса по плану архитектора Бове II-го (...). В октябре 1829 года двухэтажный каменный корпус был окончен строением, и в следующем году происходило его освящение»²².

С постройкой нового корпуса в 1830 году актовъ зал и квартиры учителей из старого семинарского корпуса были выведены, «авдитория» была занята воспитанниками, а в 1854 году здесь была устроена квартира помощника инспектора²³.

Новый семинарский корпус расположен северо-восточнее старого корпуса, вдоль дороги из Лавры в Вифанский монастырь. Корпус кирпичный, двухэтажный. Главный фасад, выходящий на красную линию дороги, выделен в центральной своей части ризалитом, увенчанным треугольным фронтом с аттиком и куполом. Передний фасад корпуса на уровне первого этажа декорирован ленточным рустом. Все оконные проемы – прямоугольные, кроме трех окон второго этажа в ризалите, полуциркулярные перемычки которых украшены лепниной, а нижняя часть проемов – балюстрадай. Симметричная объемно-пространственная композиция, внутренняя планировка в

виде двух параллельных анфилад, разделенных коридором, с выделением парадного зала в центре передней анфилады, позволяет отнести новый семинарский корпус к памятникам стиля ампир²⁴.

В 1832 году при семинарии выстроен отдельный одноэтажный столовый корпус, в 1842 году – больничный флигель, в 1844-46 годах – баня. «В 1867 году выстроен был новый корпус для женатых наставников, на что митрополитом Филаретом было пожертвовано 5000 р. из сбереженных сумм Московской кафедры.

Под кров новых обширных семинарских зданий собрались многочисленные ученики Вифанской семинарии: казеннокоштные и проживавшие и нищенствовавшие в служительских домах своекоштные (...). Незначительным окладом, обеспечивавшим только приличное содержание, пользовались не все назначенные по штату воспитанники, по преимуществу – сироты, а часть штатной суммы отчислялась на полуказенных и пансионеров. Полуказенные пользовались только казенным помещением и столом, самым бедным из них иногда выдавалось кое-что из одежды и обуви. Число полуказенных определялось числом учеников, нуждающихся в содержании. Пансионеры принимались в семинарское общежитие за плату самую ничтожную (...).

При митрополите Филарете увеличены были и скудные оклады служащих в Вифанской семинарии. Вследствие ходатайства митрополита 22 августа 1859 г. (ст. ст.) по докладу обер-прокурора Святейшего Синода Император Александр II повелел оклады содержания состоящим на службе при Вифанской семинарии сравнивать с окладами служащих при Петербургской семинарии. Через 6 лет митрополит Филарет позаботился повысить оклад жалованья служащим в Вифанской семинарии на средства Московской кафедры и пожертвовал сумму в 7000 руб. с тем, чтобы проценты с нее ежегодно присуждались в качестве пособия одному из наставников семинарии.

Духовно-учебные реформы 1814 и 1840 годов мало изменяли направление преподавания и его сам дух в Ви-

фанской семинарии. Если реформой 1814 года было введено историко-библейское направление в преподавании дисциплин, которое практически было введено в Вифанской семинарии соответствующими инструкциями Платона еще при его жизни до введения реформы 1814 года, то после духовно-учебной реформы 1840 года, сообщившей семинарскому образованию практическое направление вместо прежнего теоретического, в Вифанской семинарии продолжали хранить предания прежнего образования. «Реформа 1840 г. изъела философию из состава семинарского курса, но в Вифанской семинарии был удержан философский элемент в преподавании наук, и учащиеся знакомились с философией, переводя на уроках латинского языка философские системы, написанные на латинском языке. С введением реформы 1840 г. латинский язык перестал быть языком семинарской науки, и знание его в семинариях стало падать. В Вифанской семинарии знание латинского языка поддерживалось как классическими занятиями, так и тем, что темы для сочинений продолжали даваться на латинском языке. Поэтому среди воспитанников здешней семинарии, окончивших курс после реформы 1840 г., было немало таких, которые могли свободно писать сочинения и говорить по латыни»²⁵.

Таким образом, дух преподавания, введенный в семинарии еще при митрополите Платоне, продолжал сохраняться без сильных изменений в указанный период до реформы 1867 года.

IV. Семинария между реформами 1867 и 1884 годов и до начала 1900-х годов

«Кончина митрополита Филарета, много сделавшего для благоустройства Вифанской семинарии, совпала с новой реформой духовно-учебных заведений 1867 года. И при введении этой реформы в московской епархии Вифанская семинария едва не подверглась закрытию, как и при введении реформы 1814 года. В 1867 году товарищ синодального обер-прокурора отношением к митрополиту Филарету от 21 сентября просил доставить сведения, в

какой степени здания Вифанской семинарии соответствуют условиям, требуемым правилами нового Устава, и что потребуются устроить вновь или какие сделать переделки и приспособления к старым зданиям. Вследствие этого отношения правление семинарии представило прежнему святителю Филарету митрополиту Иннокентию (Вениаминову) сообщение о приспособлении семинарских зданий к требованиям нового Устава вместе с планами и сметами, составленными архитектором Баевым (...). По распоряжению митрополита Иннокентия соображения семинарского правления об устройстве зданий для Вифанской семинарии были предложены съезду духовенства Московской епархии, бывшему 30 августа 1869 года (...). На съезде духовенства возбужден был вопрос, нужна ли Вифанская семинария для Московской епархии, что вызвало горячие статьи в защиту Платоновской семинарии на страницах периодических духовных изданий. В это время сочувствие к Вифанской семинарии обнаружилось и среди лиц, не принадлежащих к духовному сословию»²⁶. Духовенство епархии отказалось принять на себя половину расходов по указанным сметам до тех пор, покамест не будет исходатайствована сумма из казны Синода на необходимые постройки. В связи с этим обстоятельством «семинарское правление свои предложения по этому предмету вместе с планами и сметами архитектора Баева представило в Хозяйственное Управление при Священном Синоде. Но эти предложения остались без последствий, так как директор Хозяйственного Управления тайный советник Лавров, осматривавший по поручению обер-прокурора в июле 1872 года семинарские здания, не согласился с предложениями семинарского правления и представил свои соображения, которыми признано было необходимым восстановление старого корпуса и ремонт нового, а проектированные новые постройки было представлено построить на местные средства епархии. В 1876 году семинарское правление представило в Хозяйственное Управление новый проект перестройки семинарских зданий, составленный архитекто-

ром Ивановым. Этот проект был возвращен с объяснением, что «в настоящее время не представляется возможным принять на счет духовно-учебного капитала исчисленную по смете сумму на приспособление зданий Вифанской семинарии к условиям, требуемым Уставом, тем более, что самое преобразование означенной семинарии по новому Уставу может осуществиться не иначе, как лишь в том случае, если все содержание оной духовенство Московской епархии вполне примет на местные средства». Между тем, давно неремонтированные здания разрушались и приходили в более чем печальное состояние. Статский советник С.И.Миропольский, производивший в 1879 году ревизию Вифанской семинарии, в своем отчете писал: «Внешняя обстановка так грязна, здания так запущены и представляют столько неудобств, что полное преобразование семинарии является вполне желательным»²⁸.

«После этой ревизии Священный Синод указом от 7 апреля 1880 года предложил Его Высокопреосвященству митрополиту Московскому Макарию (Булгакову) побудить епархиальное духовенство к изысканию местных средств на ремонт семинарских зданий и исправление указанных в отчете ревизора неудобств в этих зданиях. Предписанные этим указом перестройки и исправления не были произведены, потому что духовенство Московской епархии не нашло протребных для этого местных средств и просило у митрополита Макария ходатайства перед Святейшим Синодом о преобразовании Вифанской семинарии с училищами по новому Уставу и штату и о даровании средств на приспособление зданий Вифанской семинарии к требованиям нового Устава.

По ходатайству митрополита Макария в 1881 году последовало преобразование Вифанской семинарии. Святейший Синод, выслушав предложение обер-прокурора о преобразовании во второй половине 1881 года Вифанской семинарии с принадлежащими ей духовными училищами по новому Уставу, указом от 7 апреля определил: «Принимая во внимание, что во внутренней организации учебной

части Вифанской семинарии и училищ, ей принадлежащих, произведены такие изменения, которые ставят их близко к преобразованным заведениям, что неотложность полного преобразования Вифанской семинарии уже признана Священным Синодом, назначить к преобразованию со 2-ой половины 1881 года Вифанскую семинарию с принадлежащими ей училищами. Ввиду заявления митрополита Московского о крайне неудовлетворительном состоянии семинарских зданий, Указом Священного Синода предоставлено было Его Высокопреосвященству сделать распоряжение о составлении проекта и смет как на возобновление старого здания, так и на ремонт нового». В силу этого Указа семинарское правление представило новые, составленные архитектором Биллингом, проекты и сметы на капитальный ремонт семинарских зданий с новыми к ним пристройками. Но и этот третий (...) архитектурский проект постигла та же участь, как и первые два. Архитектор Хозяйственного Управления не одобрил проекта и смет Биллинга, и они были возвращены в 1882 году семинарскому правлению с поручением вновь тщательно обсудить действительно необходимые исправления и переделки в семинарских зданиях с соблюдением строгой экономии в исчислении потребных для дела материалов и работ»²⁹.

Таким образом, Вифанская семинария продолжала оставаться в запустении, продолжалась пора ее неблагоприятного существования. В то время семинария, по свидетельству очевидцев, «имела вид давно заброшенной фабрики или запустелого помещичьего дома» и «представляла из себя как бы детище, у которого умерли родители, и от которого отказывались все его родственники». И в эту сравнительно позднюю пору обитатели ее терпели всякие невзгоды и особенно холод, так что в спальнях по ночам мерзла вода, а в классах иначе невозможно было пребывать, как вооруженному ботами и овчинкой, которыми одинаково запасались как ученики, так и наставники»³⁰. При всем этом продолжало оставаться скудным и содержание учащихся. Хотя семинария и пыталась

оказать помощь сельскому бедному духовенству, сокращая до возможного минимума сборы с учеников, но, видимо, бедность сельского духовенства была настолько велика, что даже и эти уменьшенные сборы оказывались для него тягостным бременем. Продолжали поступать в правление семинарии прошения или о принятии на казенное содержание, или о переводе с высшего оклада на низший. «При этом, если и приходилось тому или другому бедняку-воспитаннику перейти на низший оклад, то он получал возможность пользоваться только пищей и помещением. Белье, верхнюю одежду, обувь, спальные принадлежности – все это он должен был иметь свое. И он действительно имел, но что имел! Случалось, что иной имел только одну перемену белья, иной не имел сюртука, чтобы явиться в класс, и приходил в каком-нибудь засаленном и затасканном пальтеце. Иной обут был на босую ногу в худые сапоги, спал на жестком тюфяке без простыни, на подушке без наволочки, под одеялом, сотканным из разных заплат. И этот же ученик видел рядом с собой своего товарища: хорошо одетого, в спальне имевшего хороший тюфяк, пуховые подушки, теплое и красивое одеяло. Трудно себе представить, до какой степени нравственно тяжело должно было действовать такое положение на ученика-бедняка»³¹. Да и где было взять средства на свое содержание этому ученику, если у него дома семья еле-еле сводила концы с концами. Вот воспоминания некоторых питомцев Вифанской семинарии о бедственном положении их семей. Один из них, вспоминая о своем отце, рассказывает, как отец его в сером армяке и лаптях ходил по требам к прихожанам, а рясю имел только одну, да и то не для своего села и храма, но брал с собой только в Москву для представления архиерею. Он же вспоминал для нашего времени смешной случай, а именно: когда отец его купил себе сапоги, то прихожане, узнав об этом, приходили к нему в дом посмотреть на диковинную вещь. Другой воспитанник вспоминал о том, как часто помогал отцу (причетнику) в тяжелых деревенских работах и терпел нередко дома настоящий голод, а

по вступлении в семинарию и, по крайней мере, в первые года своего обучения в ней не имел средств, чтобы приобрести себе обувь, и ходил в лаптях, в которых шествовал домой во время школьных отпусков по снежным сугробам и весенним разливам. Другой же, вспоминая о своем детстве, описывал, как отцу приходилось самому укачивать его, тогда младенца Николая, и как он однажды, оставленный совершенно одиноким в люльке, висевшей посреди пустой избы, чуть было не задохнулся в ней. Родитель другого семинариста, псаломщик, за неимением средств к существованию подрабатывал башмачным ремеслом, а бедность семьи еще одного воспитанника заставляла его для уплаты необходимого за содержание и обучение в семинарии возить камень на шоссе³².

Такой тяжелой жизнь семинаристов, особенно своекоштных, оставалась до вступления на Московскую кафедру приснопамятного митрополита Иоанникия (Руднева). «Посетив в первый раз семинарию, он, по собственным его словам, «до глубины души был поражен той крайне неприглядной обстановкой, среди которой проходила жизнь воспитанников семинарии». Долго тянувшееся дело о перестройке семинарских зданий им было быстро приведено к окончанию. По его архипастырскому ходатайству Священный Синод указом от 5 декабря 1884 года разрешил правлению Семинарии произвести работы по перестройке и расширению зданий семинарии согласно с проектом и сметами, составленными архитектором Зыковым и отпуск денег из Духовно-Учебного Комитета по строительной части определил начать с 1884 г. В мае этого года работы по перестройке семинарии были начаты, а к 30 сентября все работы были окончены»³³. Столовый корпус был частично расширен, над ним возведен второй этаж, соединенный с частично реконструированным новым семинарским корпусом. В выстроенном здании Г-образной формы разместилась столовая и квартиры наставников. Передним фасадом корпус выходил на красную линию дороги из Лавры в Вифанию, образуя единый фронт застройки с новым семинарским корпусом. Боковым южным фаса-

дом, обращенным на Вифанский монастырь, он образует единый фронт застройки со старым семинарским корпусом. Особым благодеянием митрополита Иоанникия было устройство бесплатного общежития для своекоштных семинаристов, за что приснопамятный владыка среди семинаристов и наставников школы удостоился наименования «второго Платона». Устройство этого общежития устранялась проблема жилья среди воспитанников семинарии, а с самих семинаристов и их семей снималось тягостное бремя поиска средств для уплаты долгов за жилье и питание. Теперь воспитанник мог не беспокоиться об этом и спокойно посвятить всего себя обучению. Единственное, что сохранил митрополит Иоанникий, так это добровольные пожертвования на общежитие со стороны родителей семинаристов, если такие желающие будут находиться.

Важным событием в истории Вифанской семинарии конца XIX века стало устройство собственного семинарского храма в 1892 году. Храм во имя Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова был устроен по благословению митрополита Московского Леонтия (Лебединского) архитектором Виноградовым на втором этаже классного корпуса, выстроенного в 1829 году, в помещении, примыкающем с юга к актовому залу. Одновременно с устройением храма над корпусом был возведен деревянный купол, обитый железом и завершенный чашей с крестом.

В конце XIX века возведена водонапорная башня в псевдорусском стиле.

К началу XX столетия Вифанская семинария представляла собой обширный комплекс учебных корпусов, столовой, квартир наставников, общежитий студентов. Этот комплекс раскинулся на восточном берегу Вифанского (Ершевского) пруда, между прудом и дорогой к воротам Вифанского монастыря. Над комплексом господствовал купол классного корпуса, осененный крестом семинарского храма.

«Новые обширные семинарские здания заслонили маленький корпус, в котором начала свое бытие неболь-

шая Вифанская семинария в 1800 г., и перемены, происходившие в столетний период ее жизни, изгладили видимые следы жизни, существовавшей в ней во времена митрополита Платона. Но как новые здания тесно примкнули к старому Платонову корпусу и соединились с ним прочными связями, так и внутренняя жизнь семинарии во весь остальной период ее существования связана крепкой нитью. Дух и предания великого иерарха сохранялись в его семинарии и после его кончины и из тесных маленьких аудиторий четырехбашенного корпуса вместе с питомцами и их наставниками перешли и в эти просторные здания».

Последние уставы 1881 года и 1884 года не внесли существенных изменений в быт и жизнь семинаристов, тем более, что устав 1884 года во многом напоминал устав 1814 года, дух которого продолжал сохраняться в этой тихой семинарии. Таким образом, «мало испытывавшая влияние реформ, находящаяся вдали от городской жизни с ее соблазнами и злобами дня, Вифанская семинария сохраняла некоторые черты, отличавшие духовные школы старого времени. В питомцах ее жил дух любви к служению церковному. Эта черта, отличавшая Вифанскую семинарию, засвидетельствована в журнальном докладе семинарского правления от 31 августа 1872 г., когда правление ходатайствовало о преобразовании семинарии. В частности, в нем отмечалось: «Вифанская семинария, быв поставлена выгодно в учебном отношении вследствие близости к Московской Духовной Академии и благоприятно в нравственном отношении по причине отдаленности от городских соблазнов и необходимости всем воспитанникам жить в общежитии, которое при бдительном надзоре всегда благоприятствует благоустройению и упорядочению нравов воспитывающегося в нем юношества, всегда представляла собой рассадник таких питомцев, которые, в большинстве своем подвижные воспитываемой в семинарии привязанностью к своему званию, охотно пополняли собой ряды бедного сельского духовенства епархии. Вследствие этого, она привлекала

и привлекает в свои стены детей даже иноепархиального духовенства, по преимуществу детей тех родителей, которые желают сохранить своих детей верными своему званию». На эту черту в жизни Вифанской семинарии указал и митрополит Московский Иннокентий в беседе с ревизором статским советником С.И.Миропольским: «Москвичи, — говорил владыка, — норовят вон, а вифанцы рады и скудному месту сельского псаломщика и священника»³⁵.

Преемственность традиций в историческом пути Вифанской семинарии получила подтверждение в дни торжественного празднования ее столетнего юбилея в сентябре 1900 года. В юбилейных речах были определены те характерные черты, которые отличали Вифанскую семинарию от других семинарий: близость к Московской Духовной Академии с одной стороны и уединенное, по временам суровое существование, с другой.

V. Близость к Московской Духовной Академии

Как было только что отмечено, одной из особенностей Вифанской Духовной Семинарии была ее близость духовная к Московской Академии, которая «в общем как бы заменила для первой великого Платона, хранившего и гревшего, «как голубица под крылами», своих «детей»-питомцев и дружественно и любовно взращивавшего и хранившего «под покровом мудрости своей» ее наставников.

Из истории прошлого Вифанской семинарии и ее отношения к Академии видно, что первая с момента основания Московской Академии в Лавре стояла в самых близких отношениях с последней и во многом жила ее жизнью. Например, известно, что ректор Вифанской семинарии являлся членом академической конференции и учрежденного при Академии духовно-цензурного комитета (...); профессора Академии всегда посещали скромные празднества семинарии, и преподавательский персонал последней участвовал в торжествах Академии. Здесь можно отметить и другие частные факты, показывающие, что взаимоотношения Вифанской семинарии и Академии

были не простыми, вызванными чисто местными условиями, (...), но отношениями самыми искренними и живыми, основанными на доверии академической корпорации к преподавательскому персоналу семинарии и на уважении последними ученого авторитета первых. Показателем именно таких отношений может служить, например, следующий факт.

Когда в России возникло «Библейское Общество», то Московской Академии было поручено перевести на русский язык с еврейского «Пятокнижие», а Академия, чтобы облегчить себе труд, предложила, в свою очередь, перевести преподавателям Вифанской семинарии книгу «Исход», и для выполнения перевода был образован под председательством ректора комитет из преподавателей, знающих еврейский, греческий, немецкий и французский языки. Корпорация Вифанской семинарии вполне оправдала доверие к ней академического совета. Законченный перевод книги «Исход» был представлен в Академию, а из Академии после его просмотра был отправлен в Комиссию Духовных Училищ.

Помимо таких ученых взаимоотношений, зная состав преподавателей Вифанской семинарии при непосредственном обращении с ними, Академия нередко в случае нужды пополняла свою корпорацию наставниками из личного состава преподавателей этой семинарии»³⁶. Многие вифанцы, воспитываясь и обучаясь в такой ученой среде, становились впоследствии известными людьми и приносили много пользы государству и Церкви как на духовном, так и на светском поприще. Мы не будем в данном случае упоминать всех более или менее известных своей полезной деятельностью питомцев семинарии или связанных в той или иной степени с этой семинарией будущих маститых преподавателей Академии, но лишь упомянем только наиболее известных, как нам кажется, подвижников науки, церковного просвещения и служения в нашей Церкви:

— известный проповедник епископ Архангельский Неофит (Докучаев-Платонов). «На его проповеди сте-

кались массы прихожан, у которых он заслужил прозвище «северного Златоуста»³⁷. Был учителем, а впоследствии ректором Вифанской семинарии;

– известный миссионер, просветитель далекой Сибири, организатор Алтайской миссии совместно с архимандритом Макарием Глухаревым архиепископ Евгений (Казанцев). Также продолжительное время являлся учителем и одновременно префектом в Вифанской семинарии. Сохранились его прекрасные слова и речи, произнесенные по разному поводу;

– прекрасный проповедник, много сделавший для распространения проповеди, митрополит Новгородский и Петербургский Никанор (Клементьевский). Более 8 лет был ректором Вифанской семинарии;

– ректорствовал несколько лет в Вифанской семинарии будущий митрополит Киевский Филофей (Успенский).

– Смарагд (Крыжановский), будучи епископом Полоцким, приложил немало трудов для возвращения униатов в лоно Православия. В Вифанской семинарии в течение года занимал должность ректора;

– весьма примечательным человеком и архиереем был архиепископ Леонид (Краснопевков). По замечанию Смолича И.К. он был близок к святителю Филарету (Дроздову) и удостоивался откровенных бесед с ним³⁸. Его перу принадлежат, например, интересные жизнеописания апостола Петра, святителя Филиппа, митрополита Московского, преподобного Саввы Сторожевского. Сохранилась его переписка со святителем Филаретом (Дроздовым). Долгое время до своего архипастырского служения был учителем, а затем ректором Вифанской семинарии;

– известны в истории нашей Церкви два наиболее талантливых и блестящих проповедника кон. XIX - нач. XX века – архиеп. Амвросий (Ключарев) и еп. Виссарион (Нечаев). Это были даже не столько церковные проповедники, сколько блестящие ораторы, прекрасно владевшие как русским литературным языком, так и всем идейным арсеналом эпохи, в том числе и философским. Еще буду-

чи священниками на приходском служении в Москве основали чрезвычайно популярный журнал «Душеполезное чтение», а Амвросий (Ключарев), став архиепископом Харьковским, начал издавать журнал «Вера и Разум». Оба закончили Вифанскую семинарию и преподавали в ней разное время. Кроме блестящих слов и проповедей, сохранившихся с того времени, перу еп. Виссариона принадлежит «Опыт истолкования Божественной Литургии Св. Иоанна Златоуста и Св. Василия Великого» (в 1996 году переиздан Троице-Сергиевой Лаврой), «Толкование на паремии», «Обозрение употребительнейших церковных молитв», «Христианские уроки» и многое другое;

– архиепископ Сергей (Спасский) известен как прекрасный агиограф. Кроме того, его перу принадлежат такие труды, как: «Древнейший восточный месяцеслов», «Лавсаик и история египетских монахов», «Полный месяцеслов Востока», «Православное учение о почитании святых икон» и др. Он был одним из четырех архиереев, в конце XIX в. имевших степень доктора богословия. Был инспектором и ректором Вифанской семинарии;

– митрополит Трифон (Туркестанов), исповедник нашего времени, известный такими трудами, как: «Древнехристианские и оптинские старцы», исследованием о «Пещном действии» и исследованием «Шамординская Казанская Амвросиевская пустынь и ее основатель иеросхимонах Амвросий». Некоторое время был ректором Вифанской семинарии;

– епископ Серафим (Звездинский), новомученик Российский, несколько лет преподавал в Вифанской семинарии. Известен трудами: «Иноческий быт в описании прп. Нила Синайского», «Пять шагов ко Христу: О борьбе с главными грехами человека по учению Православной Церкви», «Хлеб Небесный: проповеди о Божественной Литургии». Последние две книги недавно переизданы в Москве. Преподавал в Вифанской семинарии.

Из светских ученых, оставивших заметный след в истории науки нашей Церкви, мы смогли бы назвать:

– Николая Ивановича Субботина, много потрудившегося в борьбе против раскола и известного такими исследованиями, как: «Дело патриарха Никона», «История Белокриницкой иерархии», «Материалы для истории раскола за первое время его существования», «О единоверии», «Переписка раскольнических деятелей», «О перстосложении для крестного знамения» и др. Заведовал кафедрой вероисповеданий и истории раскола в МДА. Четыре года преподавал Церковную Историю в Вифанской семинарии;

– Евгения Евстигнеевича Голубинского, прекрасного историка-исследователя, основоположника критического направления в отечественной историографии, известного такими трудами, как: «История Русской Церкви», «История канонизации святых в Русской Церкви», статьей «К нашей полемике со старообрядцами», историческими исследованиями о русских митрополитах и прекрасным трудом «Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра». Четыре года преподавал в Вифанской семинарии, затем был перемещен в МДА на кафедру Русской Церковной Истории;

– Митрофана Дмитриевича Муретова, известного ученого в области исследования Священного Писания. Им составлены труды по сравнительному анализу Четвероевангелия, множество исследований по текстам Нового Завета, проект Устава Православных Духовных Академий и др. Преподавал в Вифанской семинарии;

– Сергея Дмитриевича Муретова, известного ученого в области Литургики. Его перу принадлежат, например, такие труды, как: «Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского Патриарха Филофея», «О числе просфор на проскомидии в Греческой Церкви», «О поминовении бесплотных сил на проскомидии», «Особенности литургии Преждеосвященных Даров в древних греческих и славянских памятниках». Составил описание рукописей в библиотеке Вифанской семинарии, которую закончил сам и где преподавал обличительное богословие;

– Капитона Ивановича Невоструева, известного тем, что совместно с протоиереем Александром Васильевичем Горским составил прекрасный, уникальный в своем роде, труд: «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». В последующем много работал в области истории и археологии, являлся член-корреспондентом Академии Наук. Закончил Вифанскую семинарию;

– Дмитрия Федоровича Голубинского, прекрасного ученого-физика, исследователя в области различных явлений природы. Составил много трудов о проявлениях физических сил в природе, направленных на защиту христианской концепции происхождения и существования мира. Ему также принадлежат статьи в защиту календаря Православной Церкви и др. труды. Закончил Вифанскую семинарию, впоследствии был профессором МДА;

– Дмитрия Боголепова, преподавателя Священного Писания Нового Завета в МДС, составителя прекрасного «Учебного руководства к толковому чтению Четвероевангелия и Книги Деяний Апостольских». Закончил Вифанскую семинарию;

– Николая Федоровича Каптерова, преподавателя гражданской и церковной истории в МДА, известного такими сочинениями, как: «Власть патриаршья и архиерейская в Древней Руси в их отношении к власти царской и к приходскому духовенству», 2-х томным исследованием «Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович», исследованием «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов», «Светские и архиерейские чиновники в Древней Руси», «Соборы XVI и XVII столетий» и др. исследованиями. Является питомцем Вифанской семинарии.

Вот только краткий и небольшой перечень лиц, которые, однако, внесли весомый вклад в развитие церковной науки и духовного просвещения на Святой Руси. Все они, как мы уже выше отмечали, являлись или выходцами из Вифанской семинарии или были связаны с ней преподавательской или административной деятельностью.

К сожалению, эта плеяда великих ученых и просветителей прервалась в начале XX в., после печальной для всей нашей государственности и церковного развития даты – октября 1917 года.

Революционный переворот открыл новую печальную страницу в истории Вифанской семинарии.

VI. Закрытие Вифанской семинарии

Вифанский монастырь и Спасо-Вифанская семинария просуществовали до Октябрьской революции 1917 года. В первые годы Советской власти монастырь был закрыт, но оставалась еще небольшая часть братии под руководством игумена Порфирия. Время закрытия Вифанской семинарии остается неизвестным, но к лету 1918 года она была уже закрыта, а ее бывший ректор архимандрит Даниил проживал в инспекторском корпусе МДА³⁹. Вполне вероятно, что закрытие Вифанской семинарии произошло в течение первой половины 1918 года на основании закона «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение комиссариата по народному просвещению» от 11/24 декабря 1917 года и декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви» от 23 января 1918 года.

В 1918 году Спасо-Вифанский монастырь был преобразован в сельхозартель и просуществовал в таком виде до 1925 года, когда его имущество и здания были переданы детскому дому имени В.И. Ленина. В ведении братии монастыря остались лишь два храма, которые в 1928-1929 годах также были переданы детскому дому. При передаче храмов церковь Сошествия Святого Духа, согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 8.04.29., предназначалась под мастерскую.

Детский дом просуществовал на территории монастыря до 1932 года. Тогда все здания Вифании перешли в ведение нового научного центра – НИИ птицеводства. С этого времени вся Вифания, включая и бывшую монастырскую слободку, стала именоваться Птицеградом.

В 1932 году по решению президиума Загорского районного исполкома была разобрана монастырская коло-

колья. По свидетельству местных жителей Птицеграда храм Преображения Господня был снесен в пятидесятых годах, позже были разобраны и покои митрополита Платона.

В 1944 году опять был открыт детский дом, который просуществовал до 1975 года, когда здания монастыря перешли в ведение Экспериментального хозяйства ВНИТИП (Всесоюзного НИИ технологии птицеводства).

Спасо-Вифанская семинария также была занята детским домом. Позже в здании нового семинарского корпуса разместился Всесоюзный заочный сельскохозяйственный техникум, а в здании старого корпуса – Загорский кожно-венерологический диспансер, в чем особенно наглядно отразилось отношение новой власти к духовному образованию и православным памятникам.

В 1991 году опять восстановилась церковная жизнь на территории бывшей семинарии. Здесь вновь был открыт бывший семинарский храм в честь Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.

Здание нового семинарского корпуса пострадало от пожара, случившегося во Вторник на Светлой Седмнице в 1993 году, после чего было полностью расхищено и практически утратило статус памятника: от корпуса остались только стены.

Распоряжением Минкультуры и Госкомимущества Российской Федерации от 16 июля 1996 года № 64/286-р новый семинарский корпус, а постановлением Главы Сергиево-Посадского района от 29.04.1997 года № 478 – одно крыло первого этажа и весь второй этаж старого семинарского корпуса переданы в бессрочное и безвозмездное пользование Троице-Сергиевой Лавре. Корпус столовой и квартир наставников находится в пользовании у Союза художников России.

В сентябре 1997 года состоялось обретение останков приснопамятного митрополита Платона (Левшина). В пятидесятые годы, по свидетельству местных жителей, было произведено перезахоронение останков митрополита в храме Сошествия Святого Духа Троице-Сергиевой Лавры, но сведений о том, где именно было совершено

погребение, не сохранилось. В сентябре сего года, по благословию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, специальной комиссией под руководством опытного археолога Беляева С.А. было произведено вскрытие надгробия митрополита Платона в храме Сошествия Святого Духа Троице-Сергиевой Лавры. После вскрытия надгробия был обнаружен склеп, вскрыв который, комиссия обнаружила гроб с надписью о том, что здесь находятся останки митрополита Платона. После освидетельствования останки, по благословию Святейшего Патриарха, были облачены епископом Верейским, ректором Московских Духовных академии и семинарии, Евгением.

7 октября 1997 года после соборной панихиды Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием II было совершено погребение останков великого церковного иерарха в заново устроенном склепе на месте их обнаружения внутри храма Сошествия Святого Духа у северной стены.

VII. Заключение

Из всего вышесказанного теперь видно, что Спасо-Вифанская семинария являлась на протяжении более чем 100 лет не только памятником архитектуры, но более даже памятником силы и духа, памятником просвещения и церковной науки. Более полное представление об этом можно было бы составить, заглянув в прекрасную библиотеку семинарии, но она к сожалению в пылу революционных бурь была безвозвратно утрачена, хотя она составляла, по свидетельствам очевидцев, «хорошее собрание до 10000 томов, в основе которого лежали библиотеки Платона, Филарета и Макария»⁴⁰. Но тем не менее нам в наследство достались воспоминания многих питомцев Вифанской семинарии, труды и научные работы многих выдающихся ученых-выпускников этой прекрасной духовной школы. Мы не должны об этом забывать, но должны всегда это помнить и приумножать это богатство во славу Божию, во славу нашей Святой Православной Церкви.

Примечания

¹ Стрижев А. Православная педагогика. – Опыты Православной педагогики. М., 1993, с.3.

² Николин Н.П. Слово на день Святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова и празднования столетнего юбилея Спасо-Вифанской семинарии, произнесенное за всеобщим бдением 25 сентября 1900 г. – Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900, с.22.

³ Там же, с.23.

⁴ Там же, с.24.

⁵ Смирнов С. Спасо-Вифанский монастырь. М., 1889.

⁶ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Т. XXIV, СПб., с.603.

⁷ Беляев А. Историческая записка о Вифанской семинарии. – Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900, с.30-31.

⁸ Там же, с.31.

⁹ Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троице-Сергиева Лавра. М., 1909, с.330.

¹⁰ Беляев А. Ук.соч., с.31-32.

¹¹ Торжество открытия общежития при Вифанской Духовной Семинарии и освящения вновь отстроенных помещений в езданиях 30-го сентября 1884 года. Б.м., б.г., с.16.

¹² Там же, с.17.

¹³ Московский листок. № 269. М., 1900.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Торжество открытия ..., с.17.

¹⁶ Беляев А. Ук.соч., с.32.

¹⁷ Там же, с.32-33.

¹⁸ Московский листок. № 270. М., 1900.

¹⁹ Беляев А. Ук.соч., с.33.

²⁰ Торжество открытия ..., с.20-21.

²¹ Там же, с.19.

²² Беляев А. Ук.соч., с.37.

²³ Паспорт памятника истории культуры «Спасо-Вифанская семинария». № 1.32.8.

²⁴ РГАДА, Ф. 1204, оп. 1, д. 4057, л. 40.

²⁵ Беляев А. Ук.соч., с.43-44.

²⁶ Там же, с.38-39.

²⁷ Там же, с.39-40.

²⁸ Там же, с.40.

²⁹ Там же, с.41-42.

³⁰ Введенский Д.И. Заслуги Вифанской Духовной Семинарии для Отечественной Церкви и просвещения. – Сборник,

изданный по случаю столетия Вифанской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1900, с.61.

³¹ Торжество открытия ..., с.25.

³² Беляев А. Ук. соч., с.41-43.

³³ Там же, с.42.

³⁴ Там же, с.43.

³⁵ Там же, с.44-45.

³⁶ Там же, с.77-79.

³⁷ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. – История Русской Церкви. М., 1997, Кн. 8,4,2, с.33.

³⁸ Смолич И.К. Ук. соч. – История Русской Церкви. М., 1997, Кн. 8,4,1, с.219.

³⁹ Рафаил (Демьянов), иеродиакон. Свято-Троицкая Сергиева Лавра в первые годы Советской власти. Дипломная работа. Рук. МДА. 1996 г., с.43.

⁴⁰ Готье Ю.В. Мои заметки. – Вопросы истории. № 11-12. 1992, с.131.

Использованные источники и литература

1. Беляев А. Историческая записка о Вифанской семинарии. – Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1900.

2. Введенский Д.И. Заслуги Вифанской Семинарии для отечественной Церкви и просвещения. – Сборник, изданный по случаю столетия Вифанской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1900.

3. Голубинский Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троице-Сергиева Лавра. М., 1909.

4. Готье Ю.В. Мои заметки. – Вопросы истории. № 11-12. 1992.

5. Газета «Московский Листок». № 270. М., 1900.

6. Газета «Московский Листок». № 269. М., 1900.

7. Николин Н.П. Слово на день святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова и празднования столетнего юбилея Спасо-Вифанской семинарии, произнесенное за всеобщим вниманием 25 сентября 1900 г. – Сборник, издаанный по случаю столетия Вифанской Духовной Семинарии. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1900.

8. Паспорт памятника истории и культуры «Спасо-Вифанская Семинария» № 1.32.8.

9. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т.XXIV, Спб.

10. Рафаил (Демьянов), иеродиакон. Свято-Троицкая Сергиева Лавра в первые годы советской власти. Дипломная работа. Рук. МДА. 1996 г.

11. РГАДА, Ф. 1204, оп.1, д.4057.
12. Смирнов С. Спасо-Вифанский монастырь. М., 1889.
13. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. – История Русской Церкви. М., 1997, Кн. 8, Ч.2.
14. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700-1917. – История Русской Церкви. М., 1997, Кн. 8, Ч.1.
15. Стрижев А. Православная Педагогика. – Опытги Православной Педагогики. М., 1993.
16. Торжество открытия обители при Вифанской Духовной Семинарии и освящение вновь отстроенных помещений в ее зданиях 30-го сентября 1884 года. Б.М., Б.г.
17. ЦГИА, М.Ф. 54, оп. 139, д.8. Об утверждении планов и смет на перестройку здания Спасо-Вифанской Духовной Семинарии. 1882.
18. ЦГИА, М.Ф. 54, оп. 148, д.11. Об утверждении чертежей на часовни и церкви. 1892.